

Ямбуренко Елена Николаевна

аспирант Московского государственного института
международных отношений (Университета)

**НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
КАК НАПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ**

Аннотация:

В статье рассматриваются исторические предпосылки развития научно-технической политики за рубежом в качестве отдельного направления государственного регулирования. Подчеркивается, что проблема формирования концептуальных основ государственной технологической политики весьма многоаспектна, и перспективы ее становления в конечном счете зависят от общей концепции социально-экономических преобразований, разработка которой осуществляется под противоречивым воздействием множества факторов.

Ключевые слова:

индустриализация, научно-техническая политика, общество, прогресс, разработки.

Yamburenko Elena Nikolayevna

PhD student, Moscow State Institute of
International Relations (University)

**SCIENTIFIC
AND TECHNICAL POLICY
AS AN AREA OF
STATE REGULATION:
HISTORICAL BACKGROUND**

Summary:

The article deals with the historical background of the scientific and technical policy development abroad as a particular area of state regulation. It is emphasized that formation of conceptual foundations of the state technological policy is quite multifaceted, and the prospects of its development ultimately depend on the general conception of social and economic transformations, the development of which is carried out under the controversial influence of many factors.

Keywords:

industrialization, scientific and technical policy, society, progress, developments.

Рост осознания важности повышения эффективности, уровня и масштаба организации изобретательства для общества пришелся на период середины – конца XIX в. и имел место в Европе и США. Изначально призывы к внедрению новых форм менеджмента в сферу научных исследований начали возникать в среде ученых, по большей части занимавшихся проектами в области естественных наук – физики и химии. Именно они первыми столкнулись с необходимостью проведения дорогостоящих масштабных исследований на базе крупных лабораторий для осуществления научных прорывов и открытий.

Поначалу в поисках сотрудничества и поддержки со стороны власти активисты, происходящие из исследовательской среды, выстраивали свою аргументацию вокруг таких понятий, как «общемировые ценности», «космополитизм», «самосовершенствование», «материальный комфорт», «социальная мобильность» и «интеллектуальный прогресс». Однако общество, прежде всего в лице государственных чиновников, за исключением отдельных меценатов, крайне неохотно откликалось на призывы платить за перспективы отдаленного будущего. Практика показала, что гораздо лучше «продавался» иной набор ценностей – «коллективизм», «национализм», «военная боеготовность», «патриотизм», «политический элитизм» и «социальный империализм», – на который постепенно и переориентировалась наиболее активная часть научного сообщества [1].

В результате к концу XIX в. в странах Запада на первый план вышла риторика о важности и неотложной необходимости совершения научно-технологических прорывов, направленных на развитие промышленности и усиление мощи государства и являющихся залогом успеха и конкурентоспособности страны в условиях международного соперничества, в том числе военного. С этой точки зрения показателен опыт Франции, где уже в 1887 г. была сформирована специализированная Комиссия оценки изобретений, интересующих армию.

Между тем, несмотря на то что необходимость выстраивания устойчивых отношений и связей между наукой и государством была установлена и закреплена, вопрос о той институциональной форме, которую они должны принять, оставался открытым и долгое время решался ad hoc [2]. Первые попытки создать устойчивые каналы взаимодействия и организовать консультационную деятельность пришлось как раз на конец XIX – начало XX в., когда учреждаемые в правительственных органах специализированные экспертные советы подключали представителей академического сообщества к решению военных дел [3]. Принять участие в этом процессе стремились и главы крупных промышленных предприятий, желающие извлечь выгоду из особой заинтересованности власти в укреплении обороноспособности государства. Так начали формироваться первые связи и каналы взаимодействия государства, науки и бизнеса [4].

Системно же оформляться они начали лишь после Первой мировой войны. Примечательно, что наряду с США и Великобританией одним из пионеров в области государственной организации науки выступала Германия. Модель США качественно отличалась от европейской. Если Германия и Великобритания были движимы острым чувством конкуренции и необходимости обеспечения своей технической мощи в целях национальной безопасности и, как следствие, запускали масштабные программы государственного финансирования исследований, то подход США строился в первую очередь вокруг индустриально-экономической привлекательности новых разработок и характеризовался незначительным финансовым участием государства.

Вторая мировая война окончательно убедила европейских и американских лидеров в безальтернативности институционализации научно-технической политики в сфере обороны. Даже в США, не говоря уже о странах Европы, федеральное правительство заняло центральное место в системе финансирования и заказа научных исследований и разработок, связав университеты и крупные промышленные предприятия с их лабораториями со службами государственного оборонного заказа.

Вторым последствием войны стало налаживание сотрудничества в научно-технической сфере между США и Великобританией как странами-союзницами. Уже в 1940 г., когда США еще официально сохраняли нейтралитет, Великобритания направила в Вашингтон специальную Научно-техническую миссию, известную как «Миссия Тизарда», в рамках которой группа британских ученых передала ряд своих передовых разработок США в обмен на финансовую и производственную поддержку в их доработке.

Консолидация управления научными разработками и исследованиями на государственном уровне и начало обмена научно-технической информацией на межгосударственном уровне создали предпосылки для отнесения вопросов ведения научной политики к сфере деятельности Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС) – института координации действий европейских реципиентов помощи, выделяемой в рамках плана Маршалла.

В 1949 г. в ОЕЭС была учреждена рабочая группа Совета по научно-технической информации, призванная обеспечить раскрытие и распространение результатов исследований как внутри стран-членов, так и вовне, что, естественно, касалось исключительно сотрудничества с США и Канадой. Для обеспечения поставленных целей в странах создавались центры технической информации. Параллельно с ними с 1949 г. в ОЕЭС действовал Комитет производительности, вскоре разделенный на Комитет по научно-техническим вопросам и Группу технической помощи. Однако их работа оценивалась США как неудовлетворительная, и в январе 1952 г. американская сторона предложила европейцам создать единое Европейское агентство производительности с большими операционными полномочиями. Но страны Европы предпочли просто объединить два существовавших органа в Комитет производительности и прикладных исследований, не меняя качественно их функций.

В этих условиях американский Конгресс одобрил программу Бентона – Муди по предоставлению обусловленной помощи в размере 100 млн долл. США 10 странам ОЕЭС и 2,5 млн долл. непосредственно ОЕЭС для создания Европейского агентства производительности (ЕАП). Комитет производительности и прикладных исследований вошел в состав нового агентства.

США настаивали на максимальной операционализации деятельности ЕАП, в том числе и в научно-технической сфере. Примечательно, что в 1958 г. по инициативе США и Великобритании в рамках ЕАП состоялась встреча представителей разведслужб государств-членов для обсуждения вопросов отслеживания научно-технических разработок СССР и других стран Востока и перевода соответствующей литературы на национальные языки для последующего распространения в странах-участницах. Постепенно заинтересованность в этом стали проявлять и европейские функционеры. Этому поспособствовала публикация целого ряда докладов, указывавших на угрожающую научно-техническую отсталость Европы как от США, так и от СССР. Среди них особое место занял доклад рабочей группы Совета Европы, посвященный оценке деятельности ЕАП, в котором ситуация в области исследований в Европе характеризовалась как подлинный кризис, а также утверждалась необходимость разработки и проведения последовательной и сбалансированной государственной научной политики [5].

Таким образом, в ОЕЭС фактически начал оформляться синтезированный подход к научно-технической политике, объединивший в себе два видения межвоенного периода: доминировавшего в Европе представления о необходимости государственного регулирования науки для нужд национальной безопасности и обеспечения конкурентного преимущества в технологической гонке, с одной стороны, и американского видения важности НИОКР для индустриализации – с другой. Именно этот подход и был унаследован ОЭСР, в которую в дальнейшем была преобразована ОЕЭС.

Ссылки:

1. Agar J. *Science in the 20th Century and Beyond*. Cambridge, 2012.
2. Douglas H.E. *Science, Policy, and the Value-Free Ideal*. Pittsburgh, 2009.
3. Agar J. Op. cit.
4. Carson C. *Knowledge Economies: Research and War* // *Cambridge history of World War II*. Vol. III. Part A. Cambridge, 2015.
5. Godin B., Lane J. *Making and Remaking the Measurement of Science and Technology: The International Dimension* // *The Global Politics of Science and Technology*. Vol. 2: Perspectives, Cases and Methods / ed. by M. Mayer, M. Carpes, R. Knoblich. Springer, 2014.

References:

1. Agar, J 2012, *Science in the 20th Century and Beyond*, Cambridge.
2. Douglas, HE 2009, *Science, Policy, and the Value-Free Ideal*, Pittsburgh.
3. Agar, J 2012, *Science in the 20th Century and Beyond*, Cambridge.
4. Carson, C 2015, 'Knowledge Economies: Research and War', *Cambridge history of World War II*, vol. III, part A, Cambridge.
5. Godin, B & Lane, J 2014, 'Making and Remaking the Measurement of Science and Technology: The International Dimension', *The Global Politics of Science and Technology*, vol. 2: Perspectives, Cases and Methods, Springer.